
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

М. А. Черняк,
доцент кафедры новейшей русской литературы

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: РОМАН «КОГДА ПАДАЮТ ГОРЫ (ВЕЧНАЯ НЕВЕСТА)»

Имя Чингиза Айтматова прочно вписано в историю отечественной литературы XX в. Его «Прощай, Гульсары», «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Плаха», «Пегий пес, бегущий краем моря» сразу становились безусловным культурным событием 1970–1980-х гг.; появление любого нового произведения вызывало бурные дискуссии. Открытиями были и своеобразный язык, впитавший в себя образность восточных сказаний, и особое стереоскопическое пространство, в котором острые социальные вопросы современности решались на фоне притчи и антиутопии, и, безусловно, герой, которого сам автор назвал как-то *«человеком трудолюбивой души»*. Уходя корнями в две великие цивилизации — восточную и западную, — проза Айтматова имела особый культурологический смысл и давала возможность услышать диалог двух культур, происходящий в душе одного человека.

Творчество Айтматова было ярким аргументом в спорах о многонациональной советской литературе: писатель, родившийся в маленьком киргизском аиле Шекер, сохранившем первобытнообщинный уклад жизни, был удостоен множества государственных и литературных премий, причислен к культурной элите мира, а в начале 1980-х гг. активно ходили слухи и о возможности его номинации на Нобелевскую премию по литературе.

Перестройка, изменение нравственных и эстетических координат, разрушение Советского Союза, освобождение литературы от цензуры не стали материалом для новых произведений писателя. Айтматов замолчал, все дальше и дальше отходил от литературного процесса, стал чрезвычайным и полномочным послом Киргизской Республики в странах Бенилюкса, поселился в Брюсселе. Написанный в 1994 г. роман «Тавро Кассандры» остался незамеченным среди литературных экспериментов тех лет. Поэтому совершенно естественно, что молодой читатель

XXI в. об Айтматове не знает почти ничего, а если и вспомнит про знаменитую легенду о манкуртах из романа «И дольше века длится день», то уж точно не связывает имя писателя с современным литературным процессом. И вот Айтматов вернулся. Спустя десять лет, он приурочил к открытию петербургского книжного салона (ноябрь 2006 г.) презентацию своего нового романа «Когда падают горы (Вечная невеста)», опубликованного издательским домом «Азбука». Роману предпослана большая вступительная статья (которых, кстати, так не хватает в публикациях произведений современных авторов) философа Георгия Гачева. Гачев, в какой-то степени, заранее формируя читательское восприятие, с первых же слов своей статьи априори начинает говорить о романе, как о высокой трагедии, произведении большого стиля: «И сам автор — совершенное в своем роде произведение Рода людского, Истории, Культуры. Дивен его путь: из доистории — в самую современность, объемля начала и концы Бытия в шестви Духа и «гомо сапиенса» — и многие фазы и опыты в жизни человека и общества воспроизведены в его сочинениях». Однако последний роман Чингиза Айтматова все же не представляется столь однозначным.

Основное действие романа «Когда падают горы (Вечная невеста)» происходит высоко в тьянь-шаньских горах, где пересекаются трагические пути двух страдающих существ — человека и барса. Роман с первого же абзаца вводит читателя в мир узнаваемого айтматовского стиля: «Существует одна непреложная данность, одинаковая для всех и всегда, — никто не волен знать наперед, что есть судьба, что написано ему на роду, — только жизнь сама покажет, что кому суждено, а иначе зачем судьбе быть судьбою... Так было всегда от сотворения мира, еще от Адама и Евы, изгнанных из рая, — тоже ведь судьба — и с тех пор тайна судьбы остается вечной загадкой для всех и для каждого, из века в

век, изо дня в день, всякий час и всякую минуту... Вот и в этот раз так же обернулось. Да, и в этот раз то же самое — кто бы мог вообразить себе то событие, которое оказалось за пределами человеческого разума и если на то пошло, то, пожалуй, и за пределами божественного промысла. Единственное, что можно было бы предположить, пытаясь все же постичь непостижимое, — разве что некую астрологическую взаимосвязь двух существ, о которых предстоит поведать, их космическое родство, в том смысле, что могли они родиться волею тех же судеб под одним знаком зодиака, — не более того. А что, могло быть и так... Разумеется, они не подозревали и не могли подозревать о существовании друг друга на земле. Ибо один из них жил в городе, в многолюднейшем современном мегаполисе, распираемом от перенаселенности, от уличных торжищ и кабаков с шашлычными дымами, другой же обитал высоко в горах, в диких скалистых ущельях, поросших густыми арчевниками и покрытых по склонам залеживающимися по полгода теньвыми снегами. Потому и прозывался он снежным барсом».

Главный герой романа — журналист Арсен Саманчин. «Порой, мне думается, что СМИ — это некая программа от Бога в нескончаемом познании нескончаемой человеческой сущности. Журналист, безусловно, это главный фигурант эпохи. Сейчас невозможно представить себе ни одного события в обществе без участия, точнее, соучастия, журналиста. Это фигура мирового масштаба — герой нашего времени, если хоти-те», — так объясняет автор выбор профессии главного героя. Саманчин влюблен в оперную диву Айдану Самарову и мечтает сделать вместе с ней оперу по мотивам древнего сказания о Вечной невесте, сказания, о котором на протяжении долгого времени он постоянно думает. Однако Айдана выбирает легкий путь шоу-бизнеса с его мишурой, славой, деньгами. Здесь и разворачивается мучительно переживаемый героем конфликт массового и элитарного, вечного и продажного: «Уже на выходе он услышал донесшийся с эстрады ее голос, голос Айданы Самаровой. Весь ресторан дружно зааплодировал — свершилось долгожданное: дива явилась! Раздались первые восторженные возгласы: “Ай-да-на! Ай-да-на!” Но Арсен Саманчин не оглянувшись, лишь замедлил шаг и сумел еще, с трудом одолевая вал опьянения, подумать: вот, мол, любуйся, наглядное пособие — апогей рекламы и моды. Ради этого эффекта работает вся инфраструктура, идет гонка на выживание. Слава, популярность, все это в конечном счете для того, чтобы

деньги сыпались листопадом. Он даже насмешливо промурлыкал: “А без денег жизнь плохая, не годится никуда. Ой, ля-ля!” И захотелось ему негодующе топнуть ногой, захохотать во все горло, пуститься в пляс... Но удержался. И тут же ему захотелось плакать. Возопить так, чтобы небо услышало и задохнулось. Предстоял исход, нужно было куда-то скрыться, чтобы не совершить чего-нибудь страшного. Удалиться немедленно, пока не поздно, исчезнуть навсегда». Айдану уводит местный воротила шоу-бизнеса, а журналиста преследуют местные «братки». Арсен бежит в горы. Отчаянье, преследование бандитов и желание мести приводят его в родное селенье, где для саудовских нефтяных магнатов дядей Арсена организована охота на снежных барсов. Герой приезжает в горы, еще не зная, что встретит здесь свою последнюю любовь и смерть. Все драматическое повествование пронизывает легенда о Вечной невесте, которая чудесным видением появляется на заснеженном горном перевале.

Саманчин, встретив свою последнюю любовь Элес, начинает смотреть на мир иными глазами, размышляя о судьбе гонимых снежных барсов; его не покидает чувство, что звери мыслят как люди, только благоразумно это скрывают, что человек и природа — одно целое. И вот он вдруг обнаруживает, что мир начал рассыпаться. Дело даже не в том, что «молодые люди сидят вдоль уличных обочин на целые километры с плакатами “Дайте работу!”», большинство из них прибыли из обезлюдивших селений». И даже не в том, что люди стали торговать медом, который можно было только дарить, что подставляют под ружья скачущих туристов своих барсов. Социальные потрясения, по мнению Айтматова, лишь следствие главной проблемы — глобализации: «Раньше мы жили сбоку рыночной экономики, теперь мы в ней участвуем. Этот рыночный фактор может разрушить то, что создавалось веками, то, что было сакральной, духовной ценностью нашего народа. Глобализация потому и глобализация, что нет ни одного существа на свете, которое осталось бы вне процесса, она касается всех и всюду. Киргизия тут мало чем отличается от других стран. В ней остались только отблески минувшей жизни».

В финале главные герои — человек и дикий зверь — лежат в пещере, истекая кровью и прижавшись друг к другу. Это символично для нашего времени — такова трагическая участь того, кто не поступает своей свободой и своими убеждениями. «Жаабарс задыхался, истекая кровью, сочившейся из ран медленно и необратимо. Он лежал все в той же обессиленной позе, опус-

тив огромную голову на обмякшие лапы, его знаменитый хвост валялся на земле как ненужная, выкинутая вещь... Арсен Саманчин лежал рядом, привалившись боком к туловищу подыхающего барса, так было удобней. «Вот и встретились напоследок...». У Арсена Саманчина все больше намокало под боком, кровь впитывалась в каменистую почву. Сам он был пока еще в сознании и пытался удержаться, сколько мог, последнее достояние жизни — мысль. И думалось ему о том, насколько был повинен он сам во всем случившемся, но прежде всего он прощался с ней, с Элес. Сколько было отпущено им счастья и любви, столько и уходило».

Однако новый поворот размышлений Айтматова о глобализации, нетипичная для автора детективная интрига (она развивается вокруг навязчивой идеи похитить с целью огромного выкупа арабских принцев, приехавших на Тянь-Шань охотиться на барсов), все-таки не делает новый роман Айтматова новым по своей сути. Автор активно использует уже наработанные мотивы и сюжеты. Так, оба главных героя — барс и журналист — жертвы времени, жертвы обстоятельств, заложники собственной судьбы. Такой романский параллелизм уже был использован в книге «И дольше века длится день (Буранный полустанок)». Не оригинальны и двойное заглавие, и вставное древнее предание (про манкуртов в «Буранном полустанке» — про Вечную невесту в новом романе), и непременно гордое животное, но на сей раз не верблюд («Буранный полустанок») или волк («Плаха»), а снежный барс, которого так и зовут — Жаабарс.

Вопреки ожиданиям, новый роман Айтматова не стал событием новейшей отечественной литературы. Критики фиксировали устойчивое ощущение, будто роман написан человеком, перенесшимся из 1986 г. в XXI в. Архаичность формы, наложенная на сиюминутность содержания, не совпала со временем. «Философия государства, его этика, не говоря о его эстетике — всегда “вчера”; язык, литература — всегда “сегодня” и часто — особенно в случае ортодоксальности той или иной политической системы — даже и “завтра”. Одна из заслуг литературы в том и состоит, что она помогает человеку *уточнить время его существования* [выделено мной. — М. Ч.], отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных, избежать тавтологии, то есть участи, известной иначе под почетным именем “жертвы истории”, — сказал в 1987 г. в своей знаменитой Нобелевской лекции Иосиф Бродский. В романе Айтматова не случилось именно

этого «узнавания времени». Понятно, что многолетняя дипломатическая карьера дала возможность Айтматову ориентироваться в современном литературном процессе. Кстати, в многочисленных интервью, приуроченных к выходу нового романа, писатель признавался: русскую новейшую литературу практически совсем не читает. А ведь конфликт массы и личности, массовой и элитарной культуры можно обнаружить в современных текстах разных уровней — от Маканина и Пелевина до Дашковой и Марининой. Но дело не только в теме, но и в жанре.

Нужно сказать, что в последнее время резко возрос интерес к притче, причем активизация этой тенденции наблюдается и в элитарной (Л. Петрушевская, А. Ким, В. Маканин, Л. Латынин и др.), и в массовой литературе (фантастические романы В. Пищенко, Е. Лукина, С. Логинова и др.). Притча в каком-то смысле является палимпсестом (рукописью поверх утраченного первоначального текста) памяти не только жанровой, но культуры в целом, это своеобразная «матрица возможностей», из которых каждая из национальных культур выбирает свои комбинации. Привлекательность притчи объясняется тем, что она представляет собой текст, открытый множеству интерпретаций. Для современной литературы с ее стремлением к несводимости смысла и невозможностью окончательного приговора это существенно. Поэтому сегодня жанр развивается в интеграции с другими жанровыми конструкциями, превращаясь из глубоко монологического в диалогический. Эта жанровая трансформация во многом связана с тем, что статус литературы и писателя в обществе значительно снизился. Писатель уже не воспринимается в роли учителя и пророка, как было, например, в пору выхода в свет романа «И дольше века длится день». Поэтому, наверное, столь искусственны морализаторские и учительные интонации, однозначность интерпретации в новом романе Ч. Айтматова.

«В искусстве проповедь не может присутствовать явно. Читатель должен сам услышать голос. Я не бросаю читателя на произвол судьбы, я передаю его же собственной доброте», — о таком доверии к читателю, озвученном в выступлении Людмилы Петрушевской на вручении ей Пушкинской премии, можно только мечтать.